

имеют возможность не только получить информацию о религиях и концепциях их изучения, но и включиться в критическое осмысление, определение собственной позиции.

Список литературы

1. *Аринин Е. А.* Религиоведение / Е. А. Аринин. Владимир 2005. Ч. 1. 116 с.
2. *Ожиганова А.* Преподавание религии в школе: поиски нейтральности и «культурные войны». Вводная статья / А. Ожиганова // Государство. Церковь. Религия. 2017. № 4. С. 7–29.
3. *Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools.* 2007. P. 11–12.

УДК 37.013.73:141.319.8

Н. К. Чапаев

Н. К. Чараев

*ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», Екатеринбург
Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinurg
chapaev-n-k@yandex.ru*

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ Э. ФРОММА И СОВРЕМЕННАЯ ПЕДАГОГИКА

DIALECTICAL ANTHROPOLOGY E. FROMM AND MODERN PEDAGOGY

XXI век должен стать веком
гуманитарной культуры, иначе
мир ждет катастрофа, так как
исчезнет противовес бесчело-
вечному технократическому
прессингу
Д. С. Лихачев

Аннотация. Предпринята попытка рассмотрения философско-педагогического аспекта антропологии Э. Фромма (1900–1980), даны обоснования ее чрезвычайно высокого уровня актуальности при решении сложнейших проблем социального, нравственного и образовательного характера в условиях современного кризиса человеческого существования.

Abstract. The article attempts to consider the philosophical and pedagogical aspect of anthropology E. Fromm (1900–1980), substantiation of its extremely high level of relevance in solving complex problems of social, moral and educational nature in the conditions of the modern crisis of human existence

Ключевые слова: антропология, человек обладающий, человек продуктивной ориентации, дихотомия, искусственный интеллект, обезьяна с компьютерным мозгом.

Keywords: anthropology, the person possessing, the person of productive orientation, dichotomy, artificial intelligence, the monkey with the computer brain.

Дорога к человеку, как и дорога к храму, терниста и извилиста. В античные времена Диоген днем с фонарем искал человека. В XX в. (а мы, сегодняшние взрослые, – дети этого века) дорога к человеку оказалось не менее трудной. Философы и социоло-

ги, психологи и педагоги, писатели и художники сделали множество попыток ее преодоления. Не остался в стороне от этого и Э. Фромм, вся жизнь которого – это борьба за человека посредством неимоверно трудного поиска истинного пути его развития в темных и зачастую весьма опасных лабиринтах истории. Он мечтал о гармоническом «здоровом обществе», где навсегда будет покончено с социальной несправедливостью, являющейся, по его мнению, важнейшим источником всех социальных потрясений и неурядиц. Нет и не может быть правды, как считал он, пока люди вынуждены лгать, чтобы оправдать нарушение принципов социальной справедливости.

Э. Фромма можно отнести к той малочисленной когорте мыслителей, которым удалось пройти дорогу к человеку. На этом пути ему пришлось преодолеть множество извилин и ответвлений. При прохождении этого пути его недюжинный диалектический ум столкнулся с целым рядом противоречий, многие из которых носили дихотомический характер. Выступая за критический анализ человеческих потребностей, Э. Фромм в то же время возводит очертания своего идеального общества, процветающего на удовлетворении «свокорыстной потребности» миллионов субъектов «общества потребления». Признавая за человеком право самоизменяться не только экзистенциально, но и в качестве биологического вида, Э. Фромм одновременно с этим видит в нем скрытые импульсы к разрушительству, ненависти и авторитарности.

Ведущее место в антропологии Э. Фромма занимает идея противоречивости человеческого существования, выражаемая процессами интеграции и дезинтеграции. Исходное противоречие существования человека – противоречие между его природной заданностью и его социальным оформлением. Отталкиваясь от выражения Ницше о человеке как еще не завершенном животном, Э. Фромм приходит к пониманию последнего как существа, не имеющего своей ниши. «Все, что есть в человеке, как бы отрицает самое себя. Человек принадлежит природе и в то же время отторгнут от нее. Он наделен инстинктами, но они не выполняют в нем роль безотказных стимуляторов поведения. Человек властвует над природой и в то же время оказывается ее дезертиром. Он обладает фиксированными признаками, но они двусмысленные, ускользают от окончательных определений» [3, с. 8]. Своим появлением такого рода противоречия, по мнению Э. Фромма, обязаны разуму. Являясь благословением человека, он есть также его несчастье. Наличие подобных противоречий превращает человека в аномалию, в некий «каприз универсума».

Как истинный гуманист Э. Фромм пытается помочь человеку найти выход из аномального состояния. Это, в свою очередь, порождает новую цепь противоречий. Но эти противоречия второго порядка ориентированы на позитивное решение проблемы. Суть их сводится к следующему. С одной стороны, вышедший из животного царства человек – явление, нарушающее гармонию животного существования, с другой стороны, он обретает возможность саморазвития, а значит, и возможность приобретения новой гармонии, нового синтеза. Но для этого ему нужно свои слабости превратить в сильные стороны. Парадоксальность ситуации состоит в том, что именно биологическая беспомощность человека – основа его силы, главная причина развития его специфических качеств. И разум – это не только «наказание», но и своеобразный детонатор развития, он заставляет вечно стремиться к новым решениям. Человек пытается воссоздать единство и равновесие прежде всего с помощью разума, ибо дисгармония его существования порождает потребности, выходящие за пределы его животности и соот-

ветственно вызывающие настоятельную нужду в восстановлении равновесия между ним и остальной природой.

Однако в поисках указанного равновесия человека вновь ожидают весьма серьезные трудности. Он сталкивается с рядом новых противоречий – теперь уже экзистенциального порядка. Важнейшее из экзистенциальных противоречий – дихотомия между жизнью и смертью, являющаяся носителем всех потенциальных способностей человека. Однако кратковременность его жизни не позволяет реализовать все его возможности даже при наличии наиболее благоприятных условий. Из чего вытекает суждение о трагичности человеческого существования, заключающейся не в наличии факта неизбежности смерти, а в недостижимости абсолютной реализации человеком своих возможностей. «Трагедия человека, – пишет Э. Фромм, – отчасти заключается в том, что его развитие не завершается, даже при наиболее благоприятных условиях человек реализует лишь часть своих возможностей, ибо он успевает умереть, прежде чем полностью родится» [3, с. 81].

Дихотомии-противоречия, с одной стороны, способствуют развитию человека. «Стремление разрешить противоречие приводит его (разум человека. – *Н. Ч.*) в движение. Весь человеческий прогресс обязан этому факту. Если бы человек практически не реагировал на осознаваемые им противоречия, то само наличие этих противоречий надо было бы отрицать» [3, с. 49]. С другой стороны, указанные противоречия являются основой отчуждения человека от самого себя, от своей глубинной экзистенции. В итоге сегодня мы имеем «расчлененного», «дезинтегрированного» человека, «распадающегося» на ряд «частей» – человека рецептивной ориентации, человека эксплуататорской ориентации, человека накопительской ориентации, человека рыночной ориентации [3, с. 61–75].

Человек рецептивной ориентации неразборчив в любви, он пассивный «приемник» готовой адаптированной информации, ему трудно выговорить «нет», куда больше он любит произносить «да». Однако он не способен выполнять свои обещания. Он зависим от авторитетов в любом деле, от людей, оказывающих ему какую-то поддержку. Субъекты такой ориентации любят хорошо поесть, выпить и т. д.

Человек эксплуататорской ориентации не ожидает помощи или дара. Что ему надо, он отбирает силой или обманом. Причем так люди подобного типа действуют во всех жизненных ситуациях. Так, в любви они испытывают влечение только к тем, кого можно отнять у другого. На ниве интеллектуальной деятельности они стремятся не продуцировать идеи, а красть их разными способами: либо в виде плагиата, либо в виде варьирования чужой идеи в разных формах, а затем преподнесения ее как своей. Точно также они отнимают вещи у других: чужие вещи им кажутся привлекательнее своих, они эксплуатируют всех и вся, их девиз: «Краденое всегда слаще». Идеальная иллюстрация такого типа – клептоманы, которым нравятся лишь краденые вещи даже в том случае, если они имеют достаточно средств, чтобы их приобрести. Внешними показателями людей такого типа, согласно Э. Фромму, могут быть: а) злобная линия рта; б) недоброжелательные замечания в адрес других людей; в) зависть, выражаемая в недооценке того, чем они владеют, и переоценке того, чем обладают другие.

Человек накопительской ориентации отгораживается от внешнего мира оборонительной стеной, главная его цель как можно больше привнести внутрь своей крепости и в то же время насколько возможно меньше вынести из нее. Его скупость безгранична, она распространяется на все: деньги, чувства, мысли. Любовь для такого чело-

века есть обладание, *владение* возлюбленным как собственностью. Их отличает фанатичная чистоплотность: постоянно моются, совершая что-то вроде религиозного омовения, им свойственна навязчивая пунктуальность, они постоянно говорят «нет». Их понимание справедливости сводится к премудрости: «мое – это мое, а ваше – это ваше». Внешние признаки: а) молчаливы; б) жесты их чопорны и угловаты; в) привержены к порядку до педантизма.

Человек рыночной ориентации рассматривает свои способности как отчужденный от его личности товар. Его первоочередная забота – их выгодная продажа. Он далек от целей самореализации. Отчужденные, отторгнутые от него силы становятся предметом оценок и использования со стороны других людей. В таком случае ломаются механизмы самоидентификации и самоуважения. «Я таков, каким вы хотите меня видеть» – становится главным девизом его жизни. Рыночная установка проникает в сферу мышления. Последнее приобретает характеристики примитивного реактивного инструмента. Поэтому ведущими признаками становятся быстрота реакции, овладения ситуацией и успешная ориентация в них: для манипулятивных целей достаточно иметь поверхностные знания. Истина превращается в ненужную роскошь. Лишь в исключительных случаях успех зависит от квалификации или от честности, благопристойности и прямоты.

Успех в большей мере обусловлен тем, в какой мере человеку удастся продать себя на рынке, говоря иначе, насколько высокой будет его потребительская стоимость. Она же во многом зависит от презентационных способностей рыночного человека – насколько он окажется приветливым, элегантно одетым, будет ли он бодр, крепок, агрессивен, надежен, честолобив и т. п. Целям выработки таких свойств служит деятельность целой армии педагогов и психологов. Разработанные ими тесты ориентированы на измерение не столько разума и понимания смыслов, сколько показателей быстрой психической адаптации к заданной ситуации. И психология, и педагогика превратились в инструмент манипулирования другими и собой на рынке научных идей, в политической пропаганде, рекламе и т. д. К услугам рынка, где люди взаимодействуют не как личности, а как взаимозаменяемые товары, создана подобающая этим реалиям система образования, в которой со школы и до аспирантуры цель обучения состоит в том, чтобы приобретать как можно больше информации, причем наиболее полезной для ориентации в рыночной ситуации. «Не интерес к изучаемому предмету, не заинтересованность в познании как таковом, а повышение размера меновой стоимости, обеспеченное знанием, – главное побуждение к получению образования» [3, с. 71]. Одним словом, надо формировать востребованные работодателями компетенции.

Человек рецептивный, человек эксплуататорский, человек накопительный и человек рыночный выражают у Э. Фромма тип характера непродуктивной ориентации. По другой его же терминологии их можно отнести к *человеку обладающему* (имеющему). Человек, по мнению Э. Фромма, имеет два пути: путь обладания и путь отдавания (бытия). Иметь или быть – вот главный вопрос человеческого существования. «Обладание и бытие, – писал Э. Фромм, – являются двумя основными способами существования человека, преобладание одного из которых определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера» [3, с. 45]. Человек обладающий – это «фрагментарный» «частичный» человек; это человек потребляющий (*homo consumens*). Единственная цель его – больше иметь и больше использовать. Подобно

винтику производственного механизма, человек становится вещью, в конечном счете он просто перестает быть человеком.

Жизненное кредо человека обладающего: я – это «моя собственность»: моя одежда, мой дом, моя жена, мои дети, мои родители, мои друзья, моя земля, мои лошади, моя яхта, ну, конечно, мой счет в банке. Человек обладающий – это молниеносный счетчик удовольствий и неприятностей, который, подобно гомогенной частице, колеблется под воздействием стимулов, перемещающих его в пространстве. У человека обладающего нет ни прошлого, ни будущего, это некое механическое, роботизированное существо, наделенное любовью к неживому, машинному.

У человека обладающего есть «хобби» – пристрастие к неживому, которое в своей крайней форме может оказаться пристрастием к смерти и распаду (некрофилия). В менее резкой форме это пристрастие – антипод «благоговения перед жизнью», которое ведет к безразличию по отношению к ней. Приверженцы неживого – это люди-системотехники. Они предпочитают «закон и порядок» вместо живой структуры, повторение – оригинальности, педантичность – плодовитости и т. д. Преклонение перед механическим у таких людей дополняется благоговением перед животными корнями их эмоций и поступков. В результате получается симбиоз «механической» и «инстинктивной» концепций человека-гомункула: чувства его обуславливаются инстинктами, а разум – компьютером. Но, с точки зрения Э. Фромма, такой симбиоз невозможен. Так как его продукт – «голая обезьяна с компьютерным мозгом перестала бы быть человеком, или, скорее, “он” перестал бы быть» [3, с. 252].

Человек обладающий не может быть идеалом. Но им может стать. Человек продуктивной ориентации – человек самореализующийся, главное качество которого – его целостность, направленность на восстановление единства и равновесия между ним и природой, на преодоление разрыва между отдельным человеком и другими людьми, на установление внутренней гармонии и внутреннего равновесия. Характеризуя человека продуктивной ориентации, Э. Фромм основывается на «великой традиции гуманистической этики», предполагающей, что цель человека – быть самим собой, а условие для достижения этой цели в том, чтобы быть для самого себя [3, с. 24]. Какими путями можно этого достичь? Их три – оргиастический, стадное приспособленчество, любовь.

Оргиастический путь. В случае выбора данного пути преодоления отделенности цель достигается с помощью наркотиков, ритуалов, сильных сексуальных переживаний и других видов оргиастических состояний. В трансовом состоянии внешний мир исчезает и вместе с ним – чувство отделенности от него. Это может произойти, например, при выполнении обрядов коллективных сексуальных оргий.

Стадное приспособленчество. Оно характерно, по мнению Э. Фромма, как для диктатур (тоталитарных систем), так и для демократий: первые стимулируют приспособляемость угрозами и насилием, вторые – внушением и пропагандой. Приспособленчество зачастую имеет латентную форму существования. Большинство людей, по мнению Э. Фромма, не осознают того, что они имеют прямое отношение к «стадному конформизму». Слишком сильна в людях потребность в осознании своей уникальности и неповторимости. Это нередко находит удовлетворение в незначительных отличиях, которые могут проявляться в инициалах на сумке или свитере, принадлежности к клубу ЭЛКС, а не к клубу Шрайнерс и т. д. Люди, уверовав в свою оригинальность, «живут с иллюзией, что следуют своим собственным идеям и наклонностям, что они оригина-

нальны, что они приходят к своим убеждениям в результате собственного раздумья – и что это просто так получается, что их идеи схожи с идеями большинства» [2, с. 11].

Любовь. Ни оргиастический, ни конформистский путь не являются оптимальными средствами интеграции человеческого существования. Оргиастический путь преходящ, опасен для жизни и иллюзорен; конформистский путь ведет к псевдоинтеграции (квазиинтеграции, лжеинтеграции). Эти пути дают лишь частичный ответ на вызовы глобальной дезинтеграции человека. Любовь – наиболее верный путь преодоления «отделенности человека», восстановления его целостности. Рождение человека продуктивной ориентации – это процесс глубинной интеграции человеческого существования, идеальным выражением которой является любовь. Именно она «несет тенденцию к интеграции, объединению, слиянию в единое целое, в то время как Танатос (инстинкт смерти) имеет целью дезинтеграцию, разъединение, расчленение...» [3, с. 377]. Любовь у Э. Фромма выходит далеко за рамки отношений мужчины и женщины и приобретает тотальный смысл. Атеист Э. Фромм здесь сближается с религиозными трактовками любви как фундаментальной основы человеческого бытия. Это, однако, не мешает ему выделить своеобразные ступени любви – любовь как симбиотическое единство и зрелую любовь.

Симбиотическое единство проявляется в пассивной и активной формах. Пассивная форма – это мазохизм, подчинение. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение, поэтому он никогда не бывает независим. Мазохизм может иметь место в сексуальных, бытовых, социальных отношениях. Возможно мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, наркотикам и т. д. «Во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя, он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности» [2, с. 15]. Активная форма симбиотического единства – господство, садизм. Садист, избегая одиночества, замкнутости, делает другого человека неотъемлемой частью самого себя.

Зрелая любовь в противоположность симбиотическому единению предполагает единство при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Это объясняется наличием в любви парадокса: два существа становятся одним и остаются при этом двумя. В зрелой любви человек находит свое истинное предназначение – давание – «высшее проявление силы» человека. Это положение Э. Фромм иллюстрирует примером из сексуальной жизни. Мужчина и женщина в половом акте отдаются друг другу, одновременно получая друг друга. В момент оргазма мужчина дает свое семя. Женщина же отдается мужчине, открывая мужчине свое женское лоно: получая, она отдает. Акт давания происходит и у любой матери: отдавая свое молоко младенцу, она отдает ему тепло своего тела. Отдавание для матери – это источник ее жизни. «Отнимая у матери ребенка, мы тем самым лишаем ее возможности совершать процесс отдавания себя своему ребенку – самого сладостного отдавания. Ей было бы больно не отдавать» [2, с. 17].

Обобщенную картину «зрелой любви» Э. Фромм выразил словами известного психоаналитика Г. С. Салливена, для которого близость – такой тип ситуации, включающей двух людей, которая дает достаточные возможности для утверждения всех личных ценностей человека, что достигается таким типом отношений, как сотрудничество. Последнее понимается как четко сформированная «приспособленность поведения одного человека к выраженным потребностям другого человека ради увеличения иден-

тичного, т. е. все более и более полного, взаимного удовлетворения, а также для поддержания возрастающей у обоих безопасности их положения» [2, с. 55].

В понимании любви Э. Фромм сближается также с русскими философами, в частности, с Л. П. Карсавиным, у которого любовь предстает, как и у Э. Фромма, в виде процесса истинного единения, где наблюдается как слияние, так и сохранение целостности любящих существ. Любовь у Л. П. Карсавина – это своего рода «третья ипостась, восстанавливающая Божье единство как многоединство, как триединство... Она соединяет, связует Отца, и Сына, и себя самое». Любовь онтологизируется, становясь в один ряд с «участниками» любовного процесса, каждый из которых благодаря любви достигает единения при сохранении своей самодостаточности. Любовь связывает разъединенное, «жизнь созидая» [1, с. 166].

Важнейшие педагогические следствия антропологии Э. Фромма:

1. Современное образование, направленное прежде всего на производство «человека обладающего», не выражает интегративно-целостной природы человека и способствует его расчленению на несколько «частичных» человек – человека рецептивной ориентации, человека эксплуататорской ориентации, человека накопительской ориентации, человека рыночной ориентации. Например, сегодня одним из центральных понятий образования становится «успех», целью профессионального образования – «конкурентоспособный работник». Все это обуславливает движение вектора научно-педагогических исследований в сторону определения путей и средств «собирания» человека воедино в условиях специально организованного образовательно-воспитательного процесса.

2. Целью современного образования должен стать человек продуктивной ориентации, человек, взятый во всем богатстве своих внутренних и внешних связей, главнейшими характеристиками которого являются целостность, открытость для других, способность к самореализации. Целостность дает возможность человеку как виду и индивиду сохранить собственное «Я»; открытость позволяет ему избежать энтропии и редукции его к менее развитым популяциям Вселенной; способность к самореализации служит человеку средством раскрытия его потенций и сил.

3. Любовь, сотрудничество и взаимопомощь должны стать центральными принципами образования и воспитания, и тогда не успех, не обладание, а давание станет высшим проявлением силы человека.

4. Недалеко то время, когда порог школы переступят системы с техническим интеллектом. А там уже и биокорпорация маячит. Стоит, наверное, хорошо подумать, чтобы место человека не заняла бы обезьяна с компьютерным мозгом. И тогда не стали бы вещами слова теперь уже полузабытой песни: *Не будем мы учиться, не будем заниматься, не будет мам и пап, мы так будем рождаться, не будет акушеров, не будет докторов: нажал на кнопку – чик-чирик, и человек готов.*

Список литературы

1. Карсавин Л. П. Малые сочинения / Л. П. Карсавин. Санкт-Петербург: Алетейя, 1984. 532 с.
2. Фромм Э. Искусство любви / Э. Фромм. Минск: Полифакт, 1990. 80 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. Москва: Республика, 1993. 415 с.